

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б87

BONO

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
John Hawkins & Associates Inc.
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Все права защищены.

*Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
или использована в какой-либо форме, включая электронную,
фотокопирование, магнитную запись или иные способы хранения
и воспроизведения информации, без предварительного письменного
разрешения правообладателя.*

Перевод с английского Наталии Камакиной

Браун, Хелен.

Б87   Боно: Удивительная история спасенного кота,
вдохновившего общество / Хелен Браун , пер с англ.
Н. Камакиной. — Москва : Издательство АСТ : Кладезь,
2019. — 320 с. — (Подарок от Боба).

ISBN 978-0-7333-3804-5 (англ.)

ISBN 978-5-17-110284-5 (ООО «Издательство АСТ»)

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-0-7333-3804-5 (англ.)

ISBN 978-5-17-110284-5

© 2018 by Helen Brown

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Для Филиппа и моей сестры,
Мэри Драйден

Не бойся полюбить меня.

Если я разобью твое сердце, оно снова раскроется.

И ты будешь еще более живой, чем прежде

Другие произведения Хелен Браун:

- Клео. Как одна кошка спасла целую семью
- Кошки-дочери
- Зброшенная усадьба

Содержание

1. Клетчатая пижама	1
2. Рай или ад.....	11
3. Возьмете котенка? — Нет	22
4. Любовь в пустоте	31
5. Захватывающий танец.....	39
6. Секс, наркотики и фастфуд	47
7. Город, у которого есть сердце	58
8. Рок-звезда на четырех лапах.....	70
9. С тобой или без тебя.....	81
10. Быть такого не может!	90
11. Шопинг с матерью.....	97
12. Кошачий балет	109
13. Вселенная в янтаре.....	116
14. Любовь из укрытия	124
15. Похвальное слово меланхолии.....	130
16. Бергдорф: на грани допустимого	136
17. Я рву на себе волосы	144
18. Встреча со знаменитостью	152
19. Выполняю обещание	158
20. Открытое окно, разбитое сердце.....	163

21. Одна, но не в одиночестве	169
22. Сказки	175
23. Я осваиваюсь	182
24. Эмоциональная бухгалтерия.....	189
25. Золотая башня.....	196
26. Машина страха.....	206
27. Обняться и дышать	215
28. Зов предков	221
29. Последний шанс.....	226
30. Из прошлой жизни	230
31. Пушистые целители.....	236
32. Бренди и бахвальство.....	239
33. Нашествие любителей хлопать дверью...	246
34. Строим мосты	251
35. Самое счастливое прощание.....	257
36. Перекрестки.....	262
37. Переходим к танцам	267
38. Пять стражей	273
39. В ожидании Боно	278
40. Насиженное гнездо	283
41. Жить, как кошка	288
42. Я хорошо тебя помню.....	292
43. За тысячи островов.....	300
Выражение благодарности	305

ГЛАВА 1

Клетчатая пижама

За свои девять жизней
кошка должна успеть обнять всех

Насколько мне известно, не существует законов, запрещающих байковые пижамы. Однако именно эта пижама была в темно-зеленую клетку и точно такая же, как та, что носил папа в последние годы жизни.

Меня раздражало не только это. Пижама совсем не годилась для этого времени года. Стояло особенно знойное лето, и мы изнемогали от жары. Одежда из зимней ткани — это последнее, в чем он сейчас нуждался.

— Как тебе? — спросил Филипп, с важным видом входя в спальню, как модель, демонстрирующая новинки сезона.

Я повернула голову на подушке так, чтобы закончить кроссворд без помощи шейного корсета.

Как я могла сказать своему любимому мужу, что, сам того не осознавая, он превращается в моего отца?

Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что произошло. Филипп бродил по универмагу во время обеденного перерыва, когда какая-то продавщица распознала в нем легкую добычу.

Блондинка двадцати пяти лет, с зубами, которые наверняка разорили ее родителей, предложила ему пощупать ткань. Беспомощный, как терьер перед тарелкой вырезки, он засеменил к ее прилавку мимо стеллажей с бельем. С лучезарной улыбкой, она, должно быть, провела по залежавшейся с прошлой зимы байке своими наманикюренными коготками. Он, вероятно, был загипнотизирован движением, которым она указала на белую окантовку воротника, и охотно поверил ее комплинтам в адрес его ретростиля. Честно говоря, простодушным мужчинам нельзя разрешать ходить по магазинам в одиночку.

Мой муж, с которым мы вместе уже двадцать два года, — человек необычайно добрый и тактичный. Ни единого раза он не возмутился по поводу огромных футболок, в которых я ложилась спать (стопроцентный хлопок, единственный по-настоящему дышащий материал), или бабских панталон (гигантские трусы, заканчивающиеся на поясе, моя самая тщательно хранящаяся в мире тайна).

Разумная женщина перекатилась бы на свою сторону кровати и закончила кроссворд («10 по вертикали: кулинарный жир (4 буквы)»). Но здравый смысл никогда не был моей сильной стороной. Мне пришлось открыть рот и заявить, что новая пижама не очень меня возбуждает. Я ни в коем случае не смеялась над ним. Я просто говорила так, как говорят люди, когда им уже за пятьдесят. В тот самый момент,

когда эти слова сорвались с моих губ, я уже пожалела о них. Он имел полное право в ответ напомнить мне о 10 килограммах, которые я набрала за время работы над последней книгой, или отметить, что в моем представлении идеальный способ хранения вещей — это разбросать их по полу.

Но он просто улыбнулся своей сдержанной улыбкой, которая всегда обескураживала меня. «Будь осторожна в своих желаниях, — сказал он, поднимая свой край одеяла и укладываясь рядом со мной. — Возбуждение имеет свою цену».

Эти слова обрушились на меня с силой чугуновой сковородки. Я была благодарна за наш брак, за чудеса современной медицины, за наших взрослых детей и двух прекрасных внучек, но в последние месяцы я впала в странное состояние беспокойства. Наша совместная жизнь начала казаться немного, ну, вялой. Возбуждение, может, и имеет свою цену, но я была почти готова заплатить ее.

Моя жизнь не всегда казалась такой унылой. Ничто не может сравниться с блаженством, которое я испытала, впервые вглядываясь в лица своих четырех детей. Бесчисленное количество раз меня неожиданно охватывал прилив восторга от ощущения влажного кошачьего носика или прохладного шекотания травы под ногами. Но та жизнь, которую я когда-то вела в свою бытность журналистом, общаясь на короткой ноге с людьми вроде Мика Джаггера и Пола Маккартни, казалось, закончилась миллион лет назад. В те дни мне случалось поднять трубку и услышать, как очередной представитель по связям с общественностью умоляет меня взять персональное интервью у Пава-

ротти или съездить на Аляску или Таити за несколькими строками путевых заметок.

В те дни я прибегала к поистине отчаянным мерам в поисках хоть какого-то развлечения, но они не помогали — ни мне, ни кому-то еще. Полоса пурпурного цвета, которую я убедила сделать на своей челке самого терпеливого на свете стилиста, Брендана, выглядела катастрофично. И хотя Филипп и все остальные члены семьи были слишком тактичны, чтобы делать мне замечания, я начала осознавать, что мои новые красные чулки в сеточку были темой для всеобщих шуток. Каждый новый день был более скучной копией предыдущего. Во время моего утреннего похода в торговый центр некогда радужное небо давило на меня, как стальной шлем. Сороки, которые раньше приземлялись у моих ног, с беззаботной свободой, доступной только птицам, упорхнули в какие-то другие края. Даже птицам я наскучила.

Можно было попробовать визит ко врачу, но я знала, что она достанет свой блокнот с рецептурными бланками и посоветует мне больше заниматься. У меня не было желания присоединиться к армии напичканных лекарствами женщин с фальшивыми улыбками и расширенными зрачками, скрывающими их нестабильное эмоциональное состояние.

Если бы я была героиней романа, я бы поехала во Францию и завела интрижку с фермером, выращивающим лаванду. Но даже если бы я могла поступить так с Филиппом, какому уважающему себя фермеру я была бы нужна? Он бы посмеялся над моим школьным уровнем французского и возненавидел за крошки от круассанов, рассыпанные по

Боно

каменному полу, выполненному по его индивидуальному проекту.

Вместо этого, чтобы оживить свою жизнь, одним томным воскресным днем я разбила салатницу. Я никогда не была любительницей бить посуду. Она упала на землю с приятным грохотом в тот самый момент, когда я осознала, что на самом деле мне нравилась эта салатница. Немецкая, из белого фарфора, с нежными волнистыми краями и, наверное, неповторимая. Раньше я бы предпочла разбить что-то дешевое и не слишком нужное, например одну из мисок для кормления Джоны. Но та милая женщина с чувством собственного достоинства и слишком заботящаяся о чувствах других, чтобы бросать что-то тяжелее носка, исчезла. На ее место пришла истеричка.

Единственное, что шокировало меня больше, чем звук фарфора, раскалывающегося на напольной плитке, было лицо Филиппа. Он побледнел. Его губы сложились в трубочку. В звенящей тишине я была почти уверена, что он схватит ключи от машины и выйдет за дверь. Он имел на это полное право. Мне почти хотелось, чтобы он так и поступил, — я слишком устала переживать, что он оставит меня за то, что я слишком старая, слишком толстая, слишком заикленная на себе и все в таком духе.

Глядя на осколки разбитого фарфора, я ждала. Несколько секунд спустя я со стыдом наблюдала, как он потянулся за совком и сгреб осколки на полу.

Без сомнения, наш брак висел на волоске. Как бы то ни было, связь между нами стала прочнее после недавней борьбы с раком груди. В течение нескольких месяцев после операции мы жили, прильнув друг

к другу, как пара моряков после кораблекрушения. Тем не менее, как только ситуация наладилась и мы свыклись с мыслью, что я не собираюсь помирать немедленно, мы перешли в состояние доброжелательного нейтралитета. Как связанные между собой сомнамбулы, мы дрейфовали между повседневными совместными чаепитиями и посиделками перед камином с сопряженными айпадами.

Еще, конечно, был Джона. Наш неуравновешенный, сидящий на лекарствах сиамский кот, ожидающий, что каждую свою минуту я буду посвящать ему.

Прогнозы врачей были хорошими. Но, испытывая облегчение от того, что мне не нужно поспешно организовывать собственные похороны, я все же немного тосковала по этому острому чувству хождения по краю пропасти.

Если жизненный опыт и научил меня чему-то, так это остерегаться иррациональных импульсивных поступков. Несколько десятков лет назад подобный переизбыток гормонов привел меня к раннему браку и рождению ребенка в возрасте 19 лет. Тем не менее, после моего стремительного свидания со смертью, мне не удавалось справиться с чувством, что, хотя в моих песочных часах еще достаточно песка, мне хочется прожить жизнь так, как будто я вот-вот умру. Мне хотелось вцепиться в эту жизнь, со всей ее опасной красотой и драйвом.

Филипп снял очки и положил их поверх стопки книг на тумбочке с его стороны кровати. Он наклонился, поцеловал меня в нос и свернулся под простынями. По воскресеньям мы всегда ложились в полдесятого вечера из-за предстоящей Большой Недели.

Боно

Он проснется на рассвете и наляжет на свой велотренажер, прежде чем нырнуть в душ. Побрившись и быстро натянув костюм, он принесет мне кружку чая с тостом и малиновым вареньем. Совместная жизнь — вещь приятная, но невыносимо предсказуемая.

Моя ручка застыла над номером 7 по горизонтали: скука (пять букв, начинается с «Г»). Мое внимание отвлекло отдаленное бряцанье, доносящееся из прихожей. Барабанная дробь лап, топаящих по паркету, сопровождалась серией нетерпеливых, все более громких завываний.

— Начинается, — пробормотал Филипп из-под покрывала.

Вцепившись в сборник кроссвордов, я напряглась и приготовилась к атаке. Уже через мгновение сиамец с дикими глазами ворвался в спальню, пролетел по воздуху и шмякнулся на кровать у меня между ногами.

Муж без энтузиазма относился к заикленности Джона на моих ляжках. Сколько бы я ни пыталась объяснить, что моя нижняя часть тела отличается упитанностью и мягкостью, неотразимой для любящего уют представителя кошачьих, казалось, его было невозможно убедить. Но я не оставляла попыток. Тем более с учетом того, что он и Джона были единственными мужчинами на земле, испытывающими интерес к моим телесам.

Умиротворенный и торжествующий от победы над воображаемыми драконами в его «котию», Джона испустил победное мяуканье. Он трижды повернулся вокруг себя, окопался между моими ногами и начал

взбивать пододеяльник. Убедившись, что я достаточно надежно придавлена к кровати, кот свесил свой нелепо длинный хвост с моих колен. Я опустила руку и потеряла его бархатный носик указательным пальцем. Мурлыча, как трактор, он начал тереться зубами об остальные пальцы, до которых мог достать.

Джона бросил на меня сапфировый взгляд из-под своей темно-шоколадной маски. С благодарностью фыркнул и зевнул. Я неподвижно лежала, ожидая, пока он задремлет. Когда мурлыканье превратилось в тихий грохот, я решила, что можно попытаться забрать руку. Я попробовала сдвинуть ее на сантиметр, но лапа собственника тут же обвилась вокруг моего запястья. Джона выпустил когти и надавил на кожу моей руки так, чтобы не проколоть ее, — таким образом он напоминал мне, что мой статус на несколько пунктов ниже его. Ничто так не льстит самолюбию человека, чем когда кот впускает его в свою жизнь, даже если тебе в ней отводится чуть более высокое положение, чем просто ходячей подушке.

С Филиппом под боком и Джоной, втиснувшимся между моими ногами, я чувствовала себя начинкой в сэндвиче из альфа-самцов. Как бы я ни любила Джону, надо признать, что он был самым требовательным котом в мире. Кот-липучка, он впивался в мои колени, руки, шею и никогда не выпускал меня из виду. Он ревел как вол, когда события развивались не так, как нужно ему, то есть, кажется, почти все время.

Когда они устроились и начали погружаться в свои параллельные миры грез, я начала, сантиметр за сантиметром, отнимать свою руку. Придавленная всем